
ЭТИКА, МОРАЛЬ, КУЛЬТУРА

Н. С. РОЗОВ

ИСПЫТАНИЕ НА ГУМАННОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ ПОРЯДКОВ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ: ЭСКИЗ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОГРАММЫ

Идея И. Канта «разработать всемирную историю согласно плану природы, направленному на совершенное гражданское объединение человеческого рода», преобразуется на основе понимания смысла истории как перманентного самоиспытания человеческого рода на построение гуманных порядков. Тройственная структура гуманных порядков включает большие формальные безличные социальные целостности (1) – Gesellschaft (провинциальные и городские администрации, государства, международные организации и альянсы), создающие условия для развития малых сообществ, основанных на личном общении и доверии (2) – Gemeinschaft (семьи, кружки друзей, единомышленников, творческие группы), и вместе с ними обеспечивающие возможности индивидам вести полноценную жизнь (3). По отдельности рассмотрены принципиальные условия достижения главных составляющих полноценной жизни: свободы, личного достоинства, осмысленности жизни и возможности стремиться к счастью, выявлены трудности и поставлены проблемы относительно границ и критериев ограничения свободы. Уточнены и увязаны между собой понятия: «человеческий режим», «предметы заботы», «обеспечивающие структуры», «вызовы и ответы», «социальный порядок», «институт», «практики», «правила поведения». Составлен эскиз исследовательской программы, нацеленной на определение условий продвижения в направлении к гуманным порядкам (и обратных движений) в мировой истории.

Ключевые слова: смысл истории, гуманизм, Gesellschaft, Gemeinschaft, свобода, достоинство, счастье, режимы, социальные порядки, правила поведения, практики, социальный институт, вызов и ответ.

Kant's idea 'to work out a universal history according to a natural plan directed at achieving the civic union of the human race' is transformed on the

Философия и общество, № 1 2018 37–57

basis of the meaning of history understood as a permanent self-test of the humanity to construct humane orders. The threefold structure of humane orders includes: 1) a large formal impersonal social entity – Gesellschaft (provincial administrations, states, international organizations and alliances) that create conditions for development of 2) small communities based on personal solidarity and trust – Gemeinschaft (families, circles of friends, like-minded people, creative groups) and together with them providing 3) opportunities for individuals to lead a full life. The principal conditions for achievement the full-fledged life qualities are: freedom, personal dignity, meaningfulness of life and pursuit of happiness. Difficulties are identified and problems are raised with respect to boundaries and criteria of these qualities of individual life. The notions 'human regime', 'items of care', 'providing structures', 'challenge and response', 'social order', 'social institution', 'practices', and 'rules of behavior' have been specified and co-ordinated. The author elaborates a draft of the research program aimed to reveal conditions of progress towards humane orders (and reverse movements) in world history.

Keywords: *the meaning of history, humanism, Gesellschaft and Gemeinschaft, freedom, dignity, happiness, regimes, social orders, rules of behavior, practices, social institution, challenge and response.*

Попытка философов разработать всемирную историю согласно плану природы, направленному на совершенное гражданское объединение человеческого рода, должна рассматриваться как возможная и даже как содействующая этой цели природы. <...> Похвальная, в общем, обстоятельность, с которой пишут теперь современную историю, все же должна естественно навести каждого на размышления о том, как наши отдаленные потомки через несколько веков разберутся в громоздком историческом материале, который мы им оставим. Без сомнения, в истории древнейшего времени, свидетельства о котором давно сотрутся в их памяти, они будут ценить только то, что представит для них непосредственный интерес, а именно чего достигли или что загубили народы и правительства во всемирно-гражданском плане.

И. Кант

История – это реализация «плана Природы» или перманентное испытание?

В своей знаменитой статье *Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане* Кант задал весьма высокую планку фило-

софского обсуждения смысла и хода истории. В заключительном – девятом – положении (главный тезис которого выделен курсивом в эпиграфе) Кант следующим образом формулирует итог своего рассуждения:

Если, однако, мы вправе допустить, что природа даже в проявлениях человеческой свободы действует не без плана и конечной цели, то эта идея могла бы стать весьма полезной; и хотя мы теперь слишком близоруки для того, чтобы проникнуть взором в тайный механизм ее устройства, но, руководствуясь этой идеей, мы могли бы беспорядочный *agregat* человеческих поступков, по крайней мере в целом, представить как *систему* [Кант 1994: 26].

Идея «плана Природы» с конечной целью является светским вариантом христианского Провидения, а цель, понятая как развитие всех природных задатков человека, – это парафраз просвещенческих концепций неуклонного «прогресса человеческого разума» *a la* Тюрго и Кондорсе. Заслуга Канта состоит в том, что он связал идеи исторического прогресса со свободой, своекорыстием, стремлением к власти и доминированию, неизбежными конфликтами («антагонизмом»), утверждая, что неприглядные стороны человеческих деяний в прошлом необходимы как для развития задатков, так и для совершенствования внутренних порядков в государствах, для их мирного сотрудничества «во всемирно-гражданском плане»¹.

Не вступая в спор с великим классиком, оставим в стороне «план Природы» с его конечной целью и «неизбежный прогресс разума». В других работах мною было развито альтернативное понимание смысла истории как *перманентного самоиспытания человеческого рода: сумеет ли человечество выстроить такие социальные порядки, которые обеспечивали бы условия возможности для свободы, достойной и счастливой жизни каждого человека* [Розов 2002, гл. 1; 2016, гл. 15].

Вместо «развития задатков» здесь в центр внимания ставится то, ради чего задатки нужны. Вместо «плана с конечной целью» – здесь цепь (точнее, сеть взаимосвязанных) испытаний, полная не только успехов, но и провалов, причем с открытым будущим при

---

¹ Отсюда затем возникла и «хитрость мирового разума» у Г. В. Ф. Гегеля [1993].

отсутствии каких-либо божественных, метафизических или «природных» гарантий. Прогресс, который явно имеется во многих сферах, может сопутствовать регрессу в других аспектах (жестокость и массовость войн, аномия, потребительство). Но и сами достижения прогресса (гостеприимство, милосердие к слабым и больным, грамотность и образованность, веротерпимость, развитие наук и технологий, отрицание рабства, расизма, сексизма, агрессивных войн) не становятся абсолютно непреложными и вполне могут быть утеряны.

И. Кант завершает свою знаменитую статью рекомендацией будущим философам – как и зачем им следует трактовать мировую историю:

Далее, если только повсеместно обращать внимание на гражданское устройство, на его законы и на внешние политические отношения, поскольку они благодаря тому доброму, что содержалось в них, в течение долгого времени способствовали возвышению и прославлению народов (и вместе с ними также наук и искусств), в то время как то порочное, что было им присуще, приводило эти народы к упадку, однако так, что всегда оставался зародыш просвещения, который, развиваясь все больше после каждого переворота, подготовлял более высокую ступень совершенствования, – то, я полагаю, будет найдена путеводная нить, способная послужить не только для объяснения столь запутанного клубка человеческих дел или для искусства политического предсказания будущих государственных изменений (польза, которую уже когда-то извлекли из истории человечества, когда ее рассматривали как бессвязное действие произвольной свободы!), но и для открытия утешительных перспектив на будущее (надеяться на что, не предполагая плана природы, нет основания): когда-нибудь, не очень скоро, человеческий род достигнет наконец того состояния, когда все его природные задатки смогут полностью развиваться и его назначение на Земле будет исполнено [Кант 1994: 27].

При переводе кантовского видения истории на современную терминологию получается примерно так. Правовые, демократические и гуманные реформы во внутренней политике и на внешней арене («доброе») непременно обуславливают государственный ус-

пех и международный престиж («возвышение и прославление народов»). Наоборот, деспотические, авторитарные и антигуманные изменения режимов («порочное») приводят к провалам и в государственном успехе, и в мировом престиже («приводят к упадку»). При этом всегда остаются образцы гуманизма и правового общества («зародыш просвещения»), которые готовят дальнейшую демократизацию и гуманизацию обществ («более высокую ступень совершенствования»). Зафиксирую свое согласие с Кантом в двух пунктах и несогласие в одном.

Верно, что важнейшей темой философского рассмотрения мировой истории должны быть изменения в гражданском устройстве и внешних политических отношениях.

Верно также, что эти изменения должны оцениваться относительно защиты личности, прав и свобод, гуманизма, мирного сотрудничества государств и т. д. («доброе», «просвещения», «свободы», «счастья», «справедливого гражданского устройства», «великого союза народов», «безопасности», о которых также идет речь в цитируемой статье).

Однако нет надежных доводов в пользу детерминистского и провиденциального телеологического взгляда (К. Поппер назвал бы его «историцистским» [см.: Поппер 1993; Розов 2002, гл. 1]): «доброе» отнюдь не обязательно ведет к успеху, а «порочное» – к провалу. Нет никакой естественной гарантии («плана Природы»), божественного Промысла, метафизической обязательности «счастливого конца», победы «добра» и «просвещения», то есть установления гуманистического, свободного, справедливого порядка в каждом обществе и в отношениях между ними.

В новой версии смысла истории человеческий род не движется надежно и закономерно к такому неизбежному «концу истории», но проходит перманентное испытание, когда разные общества в разных эпохах то приближаются к *гуманным порядкам* в различных аспектах, то отдаляются от них.

Гуманные порядки – утопия, проект или результат исторической динамики?

В более точных терминах смысл истории как историческое испытание сформулируем таким образом. *Главным историческим*

испытанием является способность обществ создать и «настроить» такие большие *Gesellschaft*, которые предоставляли бы наиболее благоприятные условия для развития разнообразных малых *Gemeinschaft*, основанных на личном доверии, и вместе с ними обеспечивали возможности индивидам достигать полноценной жизни – свободной, достойной, осмысленной и счастливой (см. обоснование в работе [Розов 2016: гл. 15]).

Всю эту конструкцию, включающую формальные безличные структуры *Gesellschaft* – государства, межгосударственные и внутригосударственные институты (1), неформальные, основанные на личном доверии и солидарности сообщества *Gemeinschaft* (2), полноценную жизнь индивидов с вышеуказанными критериями (3), назовем для краткости *гуманными порядками*. Это именно не один, а множество порядков, поскольку неправомерно игнорировать или запрещать вероятное разнообразие по каждому из пунктов 1–3.

Понятый подобным образом смысл истории вполне соответствует идее и принципам *гуманизма*, но с упором на труднейшие задачи построения социальных и техноэкологических систем с вышеуказанными требованиями относительно жизни каждого индивида, причем через *преодоление* перманентных и крайне неблагоприятных препятствий для этого (от группового, национального, классового, сословного эгоизма, неизбежной конфликтности, соблазнов применять насилие до дефицита ресурсов). Поэтому идейным основанием данной версии смысла истории является *гуманизм преодоления*. Такая позиция во многом перекликается с известными версиями «светского», «планетарного», «универсального», «глобального» гуманизма, с этикой ненасилия [Гусейнов 1992; Kurtz 2000; Гивишвили 2009].

Различие состоит в том, что *гуманизм преодоления* не претендует на универсальную идеологию для повсеместного распространения, тем более для дискредитации каких-либо религий, верований. Вместо этого скромное признание неизбежности широкого разнообразия ценностных систем, в том числе религиозных, сочетается здесь с упором на необходимость через формальные правила и институты последовательно преодолевать главные препятствия мирного сосуществования сообществ разного масштаба для сво-

бодной, достойной жизни каждого человека, во что бы он ни верил².

Если отрицается историцистская идея гарантированного исторического продвижения к гуманным порядкам, то какую они вообще играют роль в реальной истории человечества? Гуманные порядки – это лишь одна из утопий, никогда и нигде не реализуемых? Или это проект, который необходимо уточнять во всех деталях и планомерно строить? Или стихийно получающийся (либо нет) результат исторической динамики? Или только идеальный образ для оценки и осмысления социальных и исторических реалий?

Пожалуй, каждый ответ верен, но только отчасти.

Свобода, достоинство и счастье всех индивидов *никогда не будут реализованы*, поскольку гуманные порядки непременно предполагают ограничения для многих типов действий и практик (начиная с насилия и грабежей), предполагают некий уровень обеспечения равенства возможностей, открытого доступа к ресурсам [Ролз 1995]. Кто-то всегда будет больше выигрывать, а кто-то – больше проигрывать. Человеческая природа такова, что любые ограничения, осознание неравенства, своего меньшего успеха в сравнении с успехами других всегда кем-то будут восприниматься как ущемление их свободы, унижение достоинства и даже несчастье. В этом плане гуманные порядки следует признать *утопией*. Но такое признание вовсе не означает отбрасывания этих порядков как цели испытания, отрицания важности исторического продвижения к ним.

Гуманные порядки не могут быть проработанным во всех деталях *проектом*, согласно которому кто-то когда-то начнет выстраивать государственные и надгосударственные структуры. Такой взгляд противоречит предпосылке свободы и соответствующего ограничения властного принуждения. Поскольку сам гуманный порядок предполагает согласие между свободными субъектами (индивидами, группами, государствами), то и продвижение к нему должно быть основано на свободе и свободных добровольных договорах, которые невозможно и не следует заранее «проектно» планировать. Опять же сказанное не следует абсолютизировать.

---

² Обоснование соответствующей этики ценностного сознания см. в книге [Розов 1998: раздел 2.1].

Какие-то общие представления о гуманном порядке (начальные идеи, эскизные проекты) непременно должны появляться и обсуждаться, как это и делалось в те прошлые эпохи, когда имели место славные гуманные, правовые, демократические перемены.

Каждая из этих перемен была результатом не только сознательных целеустремленных действий по реализации задуманных проектов (например, республики, веротерпимости, устранения рабства, преодоления расизма), но и стечения обстоятельств, складывания благоприятных условий, результатов «естественной» (никем не запланированной) исторической динамики. Этот момент *естественного складывания* всегда сопутствовал моменту *искусственного конструирования* (реализации заранее задуманных проектов) и в дальнейшем будет его сопровождать.

Наконец, гуманные порядки, понятые как цель перманентного испытания человеческого рода и смысл истории, как «доброе» по Канту, действительно должны служить для оценки и осмысления наиболее существенных изменений в историческом прошлом. Но только не для того, чтобы подтверждать их заранее предположенную телеологическую и детерминистскую неизбежность (по тому же Канту), а совсем для другой, гораздо более сложной задачи, о которой далее пойдет речь.

К пониманию гуманных порядков через анализ истории гуманных перемен

Начинать ли рассуждение о гуманных порядках с составления проекта или с анализа истории продвижения к гуманности (защита прав, свобод, обеспечение безопасности, гражданского равенства, справедливости)? Первый путь плох пренебрежением историей достижений и провалов, что всегда чревато пустым прожектерством. Второй путь гораздо более предпочтителен, тем более в рамках тематики философии и теории истории.

Однако здесь возникают свои трудности. Что искать в историческом материале, если нет хоть какого-то априорного представления о гуманных порядках, как оценивать прошлые достижения или провалы, если нет соответствующих критериев и шкал? На чем именно фокусировать внимание при неизбежном столкновении с недостаточностью, смутностью описаний (что характерно для ис-

тории ранних эпох) или с громадным обилием деталей, разночтений, интерпретаций (когда письменных источников, документов уже становится много – примерно с XVII в.)? Можно ли изначально сформулировать точные исследовательские цели при отсутствии априорных нормативных представлений, касающихся предназначения самого исследования?

Вероятно, здесь имеет место тот случай, когда конечный пункт путешествия становится яснее уже в ходе самого путешествия. Вначале достаточно установить хотя бы общие ориентиры и критерии верности движения.

Самый первый, наиболее абстрактный вопрос формулируется так: *что позволяют узнать о гуманных порядках (требуемых для успеха испытания человеческого рода), а также возможностях, препятствиях поступательного движения к ним сведения о наиболее значимых эпизодах продвижения к гуманности и отхода от нее в мировой истории?*

Рассмотрим последовательно два главных элемента в данной формулировке проблемы: гуманные порядки и сведения о продвижении к гуманности.

Исходной точкой отсчета для гуманных порядков является представление о полноценной – свободной, достойной, счастливой и осмысленной – жизни индивидов. Свободу будем понимать прежде всего как свободу от внешнего принуждения, на которое индивид не согласился добровольно.

Рабство, закрепощение как принудительное прикрепление к «хозяину», месту жительства или месту работы, запрет на выезд, обращение в религию, требования платить подати, пошрины, служить в армии, участвовать в общественных работах, определенным образом одеваться, устраивать свой быт, вести себя с другими людьми в публичном пространстве, совершать обряды, посты, паломничество, вменение обязанности жениться или выходить замуж (тем более без выбора), иметь детей или иметь не более фиксированного числа детей, иметь сексуальные или иные отношения только с людьми такой-то социальной группы (сословия, класса, расы, этничности, пола, возраста), заботиться о своих детях и престарелых родителях, обо всех родственниках, соседях, земляках, единоверцах, бедных, нищих и т. д. и т. п. – все это примеры нару-

шения, ограничения свободы, когда имеет место принуждение извне с угрозой санкций.

Санкции могут иметь характер прямого насилия, наказания по закону, остракизма с изгнанием или только морального осуждения – каждый раз это способы ограничения свободы извне. Уже по этим немногим примерам видно разнообразие не только по степени ограничения свободы, но и по социальной, этической оправданности. Но есть ли универсальный критерий такой оправданности?

Согласно классической традиции спекулятивной метафизики, следует вначале испробовать возможности уже заданной понятийной конструкции. Исходной точкой отсчета – твердой ценностно-нормативной, прескриптивной основой – является полноценная жизнь индивидов (с возможностью раскрытия и детализации признаков этой полноценности). Такая жизнь обеспечивается в первую очередь окружающими индивида малыми *Gemeinschaft* – группами социального окружения с теплыми личными отношениями солидарности и доверительности. Кроме того, качество жизни как индивидов, так и этих *Gemeinschaft* должны обеспечивать разномасштабные структуры *Gesellschaft* – от муниципальных служб инфраструктуры, систем городского управления до национальных парламентов и правительств, межгосударственных альянсов, регулирующих торговлю или обеспечивающих военную безопасность.

Соответственно, оправдан сам тип требований к ограничению свободы индивидов (например, заботиться о своих несовершеннолетних детях, о супругах, о немощных и больных родителях; семья – базовая форма *Gemeinschaft*), платить налоги в местные и национальные бюджеты, способствовать защите отечества, в том числе службой в армии, выполнять национальные законы, подчиняться правилам международного уровня (*Gesellschaft*).

Заметим, что оправдан именно тип требований, тогда как их содержание – всегда сложный момент, исполненный множества конфликтных интересов. Подати и налоги могут быть грабительскими, принудительное рекрутирование на пожизненную военную службу – рецидивом государственного крепостничества, а выполнение международных требований – завуалированной эксплуатацией или целенаправленным удушением национальной промышленности иноземной хищнической метрополией.

Итак, первый вопрос относительно гуманных порядков таков: где и на каких основаниях проводить границы оправданности внешних ограничений свободы (вменения индивиду обязанностей и запретов)?

Понятия «достоинство» и «достойная жизнь» включают защиту от унижений и оскорблений, нормы минимального этикета, уважительное (хотя бы во внешнем выражении) отношение к индивиду окружающих, прежде всего имеющих над ним власть (начальства, полиции), а также некую планку приемлемого качества жизни (жилья, питания, одежды, доступа к информации, культуре, общению и т. д.), ниже которой индивид в данной эпохе и культуре чувствовал бы себя униженным.

Первый, правовой и моральный, аспект обеспечивается законами и принятыми в сообществах правилами поведения. Что считать оскорбительным, какие санкции за какие нарушения оправданны, насколько допустимо вмешательство внешних структур во внутренние взаимодействия (например, вмешательство представителей государства в отношения внутри семей или частных фирм) – все вопросы такого рода не имеют однозначных решений.

Известны недопустимые крайности – от полного попустительства в отношении публичных унижений (например, со стороны представителей высших сословий и классов к представителям низших) и до края принудительной «политкорректности», когда комплименты женщинам квалифицируются как оскорбительный сексизм, ведут к санкциям вплоть до остракизма и увольнения с работы. Есть ли «золотая середина» в этих вопросах? Одна ли она для разных культур? Меняется ли она и каким образом? Как устанавливать приемлемые рамки и правила поведения? Где должна проходить граница между правовым и моральным регулированием? Все эти вопросы не имеют ясных и общих ответов.

Второй, экономический, аспект достойной жизни в каком-то смысле еще сложнее, поскольку требует материальных, а в денежной экономике – финансовых ресурсов. Очевидно требование к трудоспособным индивидам самим обеспечивать себе достойную жизнь, а также требования к малым *Gemeinschaft* (прежде всего семьям) и большим *Gesellschaft* (прежде всего местным властям, фондам социального и пенсионного обеспечения, национальным прави-

тельствам) обеспечивать такие возможности трудоспособным и достойную жизнь нетрудоспособным – больным, инвалидам и составившимся.

Понятно, что критерии достойной жизни исторически изменчивы, зависят от экономического развития и благосостояния общества, а также решений о порядке и объемах перераспределяемых средств. Сами эти решения могут быть как результатом консенсуса заинтересованных сторон, так и властным произволом. Содержание таких решений – дело самих участников. Представление о гуманных порядках может касаться только способа принятия решений такого рода – чтобы учитывались интересы сторон, чтобы сохранялась мотивация индивидов для поддержания своего здоровья и трудоспособности, чтобы минимизировались возможности злоупотреблений, коррупции (всегда сопутствующие перераспределительным практикам), чтобы поощрялась, а не отменялась забота о нетрудоспособных внутри семей и иных *Gemeinschaft*.

Осмысленность жизни индивида – субъективная характеристика, она определяется через его (ее) чувство причастности к высшим ценностям (святыням, идеалам), значимость которых обычно считается им (ею) выходящей за рамки этой жизни как во временном, так и в каком-либо религиозном, метафизическом или мистическом плане. Забота о детях и внуках, воспитание учеников, постройка монументальных сооружений, учреждение организаций, создание творческих продуктов, которые будут жить после твоей смерти, а также всевозможные версии спасения души, нового рождения (метемпсихоза), перехода в нирвану, пустоту, Будду, слияния с космосом в разных культурах и религиях – все это придает жизни определенный смысл. Жизнь ради удовольствий, потребления, зарабатывания денег также может быть для многих осмысленной – ведь это же субъективная характеристика.

Вообще говоря, люди могут видеть смысл своей жизни во власти, возможности применять насилие, даже в мести, нанесении увечий, садизме и убийствах. Недопустимость такой «осмысленности» в гуманных порядках обусловлена не какой-то предустановленной моральной иерархией ценностей (типа «лестниц» М. Шелера или А. Маслоу), а только тем, что такое поведение нарушает свободу, достоинство, безопасность жизни других людей.

Таким образом, как это ни странно, проблема обеспечения условий для осмысленности жизни индивидов оказывается не такой уж и сложной. Поскольку уже предполагается свобода выбора, каждый индивид волен поклоняться любым святыням, посвящать свою жизнь любым идеалам, какими бы абсурдными и нелепыми они ни представлялись извне. Важно лишь, чтобы не нарушались составляющие полноценной жизни других людей [Розов 1998, раздел 2.1].

Отмечу только, что при всем огромном разнообразии жизненных смыслов сохраняется один простой инвариант: единомышленники, единоверцы, соратники, коллеги должны иметь возможность общаться между собой, встречаться, явно или неявно фокусируя внимание на своих святынях (в широком культурологическом значении). Противоположностью осмысленности жизни является anomia, которая, согласно убедительным доводам Э. Дюркгейма, тесно связана с отсутствием солидарности, а также совместных эмоционально насыщенных практик – ритуалов. Соответствующую социологическую теорию интерактивных ритуалов позже развили У. Л. Уорнер, Э. Гоффман и Р. Коллинз [Коллинз 2002, гл. 1].

Трудным вопросом остается определение условий, при которых сообщества (*Gesellschaft* и *Gemeinschaft*) готовы не только навязывать святыни и ценности индивидам (что всегда было, есть и, вероятно, будет), но также терпеть, допускать свободный выбор индивидами целей и смыслов их жизни.

Весьма темным, смутным является вопрос о счастье. Понятно, в том числе благодаря множеству антиутопий, что попытки извне «вести к счастью» людей, навязывать им счастье чреватые подавлением свободы, достоинства, а значит, в своей основе антигуманны. Речь может идти только о *предоставлении людям условий, позволяющих им стремиться к счастью*, как они его понимают благодаря своему разумению и свободной воле. Сумеет или нет человек достичь счастья в своей жизни – это дело способностей, удачи, благоприятных или неблагоприятных обстоятельств.

Само ощущение счастья, оценка своей жизни как счастливой или несчастливой – совершенно субъективная и зыбкая материя. Зато обречение людей на несчастье внешними сообществами квалифицируется вполне определенно. Чаще всего это связано с при-

нуждением и нарушением личной свободы: принуждение к профессии, которая противна, прикрепление к месту, откуда человек хотел бы, но не может вырваться, навязывание брака с нелюбимым и т. д.

Более изощренный способ делать людей несчастными состоит во внушении им обязательности страданий, тягот и горестей для спасения души и загробной жизни в райских кушах или для чего-то подобного. Крайности аскетизма, самобичевания (физического и душевного), изнурение себя голодом, воздержанием, заточением в темных сырых кельях или пещерах – все такие практики, обычно одобряемые не только в радикальных сектах, но и в солидных традиционных религиях, оказываются сомнительными.

Проблемой остается определение границы между самодисциплиной, самоконтролем как выражениями духовной силы, не противоречащими свободе выбора жизненного пути, с одной стороны, и мучительным самоистязанием, совершаемым ради навязанных фантазий, – с другой. Как и для остальных составляющих полноценной жизни, исследования и обобщения требуют обстоятельства, способствующие и препятствующие самой направленности сообществ (*Gesellschaft* и *Gemeinschaft*) на предоставление возможности индивидам стремиться к счастью в их понимании (в том числе духовному совершенствованию, благодати и пр.).

Правила поведения – ядро социальных порядков

Социальные порядки (в том числе внутривидовые, международные, социально-экономические, правовые, моральные) включают *институты* со структурами позиций, *правилами поведения* (обязанностями, правами, доступом к ресурсам, ожиданиями) в каждой позиции, соответствующие практики взаимодействия.

Социальные порядки – крайне сложные многосоставные объекты. К тому же в реальной истории они еще весьма разнообразны. Чтобы определить, произошло ли изменение социального порядка в направлении гуманности, отката от гуманности или безразлично к гуманности, следует выделить некий стержень, относительно простую структуру, компонент конкретно-исторического социального порядка, который можно было бы прямо сопоставить с релевантным компонентом предполагаемого гуманного порядка. Поскольку в гуманных порядках речь идет о защите и обеспечении

индивидам возможностей достигать полноценной жизни, прежде всего следует обратить внимание на правила: запреты, предписания, рекомендации для любых групп, социальных структур, институтов, государств, а также принятые людьми – интериоризированные – правила поведения, которые либо способствуют такой защите и обеспечению, либо препятствуют им.

Правила могут адресоваться как самим индивидам, так и окружающим их группам, социальным структурам. Эти правила могут иметь характер обычаев, моральных и правовых норм (законов); правила нередко выражены в форме пословиц, присловий, цитат из религиозных или иных популярных книг, в виде «житейской мудрости». Иногда правила приходится реконструировать на основе наблюдения за поведением, опросов или архивных записей, как это делают антропологи, социологи и историки.

Правила поведения варьируют от самых общих и абстрактных («не убий», «око за око», «возлюби ближнего своего») до самых частных и детализированных (поведенческие кодексы в учреждениях и фирмах). Первые нередко бывают слишком расплывчатыми, декоративными и даже лицемерными, вторые – множественными, противоречивыми, быстро меняющимися, крайне детализированными и, вообще говоря, бесполезными для оценки социальных порядков в плане их приближения к гуманным порядкам или отдаления от них. Поэтому интерес представляет некий средний уровень правил поведения, наиболее информативный для оценивания: насколько данный социальный порядок, его структуры и институты способствуют возможностям индивидов достигать полноценной жизни.

Человеческие режимы

«Режим», понимаемый как комплекс рутинных процессов, – это более общее понятие, чем «социальный порядок». Человеческие режимы, кроме социальных структур, институтов, практик, включают в себя также взаимодействие с природным окружением, движение ресурсов, повторяющиеся экономические, технологические, демографические процессы. В каждом режиме социальный порядок играет огромную роль, является чем-то вроде костяка, поскольку институты и социальные взаимодействия проникают почти во все части режима.

Вместе с тем режимы имеют свою автономию в динамике и развитии, они несводимы к социальным порядкам (как привыкли думать многие социологи). Отчасти эта автономия связана со спецификой природных, биологических, технологических процессов, которая отнюдь не определяется сферой социальных структур и взаимодействий. Но есть и другая сторона, которую можно назвать функциональностью режимов. Человеческие режимы отличаются от таких природных режимов, как смена сезонов или кругооборот воды в природе, но имеют естественное сходство с режимами стадных и стайных животных.

Очень многое в поведении и повторяющихся взаимодействиях, в прочих процессах определяется заботами о безопасности, пропитании, о выборе места для жизни, о воспитании потомства, об удержании поведения своих же сородичей в определенных рамках [Джонсон, Эрл 2017: 41–51]. Разумеется, сфера человеческих забот стала за прошедшие тысячелетия гораздо шире, более того, это расширение, судя по всему, не знает никаких границ. Однако для любых забот сохраняется общая схема: какие-то аспекты своей жизни и окружения надо выдерживать в определенных пределах (*гомеостатические переменные*), для этого применяются разные способы, практики, материальные приспособления, также повторяющиеся социальные взаимодействия, соответствующие правила и социальные институты (*обеспечивающие структуры*).

Как и у (остальных) животных, у людей гладкое течение рутинных процессов по удовлетворению забот и потребностей нередко нарушается неприятностями: угрозами, бедствиями, конфликтами, насилием. На *типовые вызовы* у стадных и стайных животных (включая людей) есть *типовые ответы* . Когда антилопы спасаются бегством от львов и леопардов, когда медведица защищает своих медвежат от волков, гиен или чужого медведя, когда альфа-самец в стае отгоняет от самок молодняк, – это также типовые ответы на типовые вызовы, и поскольку эти процессы повторяются, их следует считать частью режимов. Людям уже почти не грозят хищники, но так же продолжают грозить морозы, снегопады, ураганы, наводнения, пожары и засухи. Самые же частые неприятности людям уже давно доставляют сами люди в основных сферах социального взаимодействия: в отношениях власти и подчинения (политике),

в области производства, обмена, распределения благ (экономике), в сфере насилия и контроля над насилием (преступность, а также войны и военные угрозы – геополитика), в отношениях престижа, статуса, репутации (поддержание достоинства, защита от унижения), в области отношений между полами, в семьях (ревность, борьба за доминирование, ссоры, эмоциональные напряжения).

Назовем первую пару – гомеостатические переменные и обеспечивающие структуры – *функционалом забот*, а вторую пару – типовые вызовы и типовые ответы – *функционалом ответов*. Каждый человеческий режим будем характеризовать прежде всего этими двумя функционалами.

Режимы и действующие внутри них социальные порядки различаются от общества к обществу и существенно меняются на протяжении истории.

Связь режимов, социальных порядков и идей

Правила поведения в социальных порядках и структуры последних всегда связаны с *идеями*, прежде всего социальными, политическими, этическими, мировоззренческими, нередко религиозными. Режимы определяют социальные порядки или наоборот: порядки определяют режимы? Идеи определяют их или они сами определяют сложившимися режимами и порядками?

Стандартный философский вопрос о «первичности» или «базовости» здесь представляется нерелевантным. Иногда режим подстраивается под твердо установившийся социальный порядок (например, диктатуру или свободный рынок), а в других случаях изменения в режиме (допустим, связанные с демографией или новой технологией) делают неадекватными правила поведения и институты, тогда уже социальный порядок подстраивается под режим. Таким же образом идеи могут порождаться и меняться, выбираться как наиболее адекватные сложившимся режимам и порядкам, но бывает и так, что режимы и порядки сами существенно трансформируются, следуя идеям доминирующей группы, захватившей власть партии или коалиции.

Таким образом, здесь следует говорить о *коэволюции режимов, социальных порядков и идей*. Для исследования этой коэволюции в реальной истории нужно составить представление о концептуальной связи основных элементов между собой.

Для поддержания предметов заботы в режиме используются *обеспечивающие структуры*, которые всегда включают *практики* (рутинные, повторяющиеся действия) и *институты* (позиции и отношения между ними, доступ к разнообразным ресурсам в каждой позиции), а также *формальные и неформальные правила*, регулирующие практики и взаимодействия в институтах. Таким образом, каждая обеспечивающая структура всегда использует какую-то часть социальных порядков. Отсюда следует, что правила, как и сочленение позиций в институте, должны соответствовать целям поддержания предмета заботы, тому, что обычно называется целью или целевой функцией работы института.

Для *ответа на вызов* также всегда требуются связь позиций, ресурсы, ограничивающие и направляющие правила.

Идеи, с одной стороны, артикулируют (кодируют в языке, представляют в образах и понятиях), обосновывают предметы заботы, с другой – обосновывают обеспечивающие структуры и ответы на вызовы: делают «естественными» и «легитимными» отношения между позициями (прежде всего иерархические, властные), оправдывают ограничивающие и предписывающие правила.

Фазы социального развития и великие трансформации

При обращении к процессам и явлениям в мировой истории, приближающим к гуманным порядкам или отдаляющим от них, напрашиваются три основные стратегии: последовательно рассматривать каждую крупную смену эпох в данном аспекте, либо вне зависимости от эпох изучать известное разнообразие обществ и режимов с выделением наиболее гуманных и антигуманных, выявлять причины их генезиса, либо фокусировать внимание на самых значительных сдвигах с точки зрения последующей эволюции в направлении к гуманным порядкам, таких как утверждение прав и свобод, дискредитация и запрет рабства, появление принципов веротерпимости, равноправия мужчин и женщин, преодоление расизма и т. д.

Каждая из этих стратегий хороша по-своему, но и многое ею упускается. Поэтому оптимальным представляется их синтез, включающий следующие главные этапы:

- зафиксировать вертикальное деление мировой истории на эпохи, в каждой из которых есть некая общность социальных по-

рядков и режимов для возможности корректного обобщенного описания и сопоставления их разнообразий [Дьяконов 1994; Структуры... 2001; Розов 2002: гл. 5];

- при возможности дать оценку общих трендов каждой «великой трансформации» (перехода от эпохи к эпохе [Sanderson 1995; Коллинз 2015: гл. 6; Джонсон, Эрл 2017]) в аспекте гуманности, в том числе противоречивых (противонаправленных); среди множества аспектов социально-исторической реальности целесообразно выделить эти тренды в четырех базовых веберовских сферах (политика, экономика, насилие/безопасность, статус/престиж);

- в рамках каждой эпохи выделить наиболее важные сдвиги в направлении гуманности или в обратном направлении (в том числе являющиеся сторонами эпохальных трансформаций), выявить долговременные факторы и ситуативно сложившиеся причинные условия этих сдвигов;

- в рамках каждой эпохи выделить общества с режимами и социальными порядками, наиболее и наименее соответствующими критериям гуманности, также выявить причины генезиса таких обществ.

Не следует ожидать, что после такого глубокого и трудоемкого погружения в эмпирическую историю вдруг появится озарение касательно изначально поставленных вопросов о гуманных порядках и желательных путях продвижения к ним в настоящем и будущем. Поэтому на каждом этапе нужно обращаться к поставленным выше теоретическим и философским вопросам.

Как и почему появляются безличные *Gesellschaft*, какие их вмешательства в малые *Gemeinschaft* и жизнь индивидов оправданы или нет с позиций гуманности?

Каковы процессы и продукты коэволюции идей, социальных порядков и режимов в аспекте гуманности? Как именно функционалы забот и ответов (ядро режима) воздействуют на структуру отношений и правила поведения (ядро социального порядка) и какое испытывают обратное воздействие? Как идеи влияют на порядки, режимы и какое влияние от них испытывают?

Где и на каких основаниях раньше проводились границы оправданности внешних ограничений свободы (вменения индивиду обязанностей и запретов), а также самоограничений (аскетизма)? К ка-

ким долговременным следствиям это приводило в плане приближения к гуманным порядкам или отдаления от них? Как использовать этот исторический опыт для решения проблем оправданного ограничения свободы в гуманных порядках? Где проходит граница между самодисциплиной, самоконтролем как выражениями духовной силы, не противоречащими индивидуальным стремлениям к выбору жизненного пути, к личному счастью, с одной стороны, и мучительным самоистязанием, совершаемым ради навязанных фантазий, – с другой?

Какие способы принятия решений, принципы и критерии были оправданы ранее и могут считаться оптимальными в правовом и моральном регулировании социальных взаимодействий относительно защиты человеческого достоинства?

Каковы условия совмещения терпимости к чужой вере, идеям, убеждениям и ригоризма относительно защиты общезначимых ценностей (жизни, здоровья, прав, свобод, достоинства и т. д.)?

В философских и научных статьях принято ставить проблему, излагать подход к ее решению и предъявлять хоть какие-то результаты. Однако некоторые проблемы бывают столь трудными и масштабными, а подходы столь сложными, что сама попытка их сформулировать уже является неким промежуточным результатом. Такой результат может стать и начальным пунктом исследовательской программы, и предметом дискуссий, критики, корректировок, ведущих к формулированию альтернативных программ и подходов.

В чем точно можно быть уверенными: в жестоко начавшемся XXI веке, уже полном войн, тревог, нестабильности, волн насилия и терроризма; проблемы гуманности, продвижения к гуманным порядкам, осмысления исторического пути человечества в этом плане будут все более актуальными и непременно попадут в центр интеллектуального внимания философов и социальных исследователей.

Литература

Время мира. Вып. 2. Структуры истории / под ред. Н. С. Розова. Новосибирск : НГУ, 2001.

- Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб. : Наука, 1993.
- Гвишвили Г. В. Философия гуманизма. М. : Поколение, 2009.
- Гусейнов А. А. Этика ненасилия // Вопросы философии. 1992. № 3. С. 72–81.
- Джонсон А., Эрл Т. Эволюция человеческих обществ: От добывающей общины к аграрному государству. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2017.
- Дьяконов И. М. Пути истории. М. : Вост. лит-ра, 1994.
- Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане / И. Кант // Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. М. : Чоро, 1994.
- Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002.
- Коллинз Р. Макроистория: очерки социологии большой длительности. М. : УРСС, 2015.
- Поппер К. Нищета историцизма. М. : Прогресс, 1993.
- Розов Н. С. Ценности в проблемном мире. Новосибирск : НГУ, 1998.
- Розов Н. С. Философия и теория истории. Кн. 1. Прологомены. М. : Логос, 2002.
- Розов Н. С. Идеи и интеллектуалы в потоке истории: макросоциология философии, науки и образования. Новосибирск : Манускрипт, 2016.
- Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск : НГУ, 1995.
- Kurtz P. Humanist Manifesto: A Call for a New Planetary Humanism. Amherst, NY : Prometheus Books, 2000.
- Sanderson S. The Great Transformation. The Political and Economic Origins of Our Time. Boston, MA : Beacon Press, 1995.